

скорректирован). Первые пятьдесят — в кожаном переплете, пронумерованных римскими цифрами, с вклеенным на авантитуле офортом «AVE MINSK!» Юлии Мацуро и тройным золотым обрезом. Остальные 150 экземпляров тоже будут сделаны подобающим образом)))

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: с целью обсуждения различных аспектов данного издания участниками книжного проекта мною на FaceBook была создана открытая группа «Богемный MINSK в силуэзах». Временной интервал существования группы — до конца 2017 г., т. е. времени выхода книги. В принципе, если опыт удастся, то теоретически (и практически) его можно будет продолжить...

Целью создания данной группы явилось включение обратной связи от героев-участников моей книги, а также всех желающих способствовать формированию в Минске неповторимой особой среды. Здесь приветствуются доброжелательность и конструктивность (советов, мнений, пожеланий и т. п.). Главное, помним — все это делается для нашего Города!

Как библиофил с многолетним стажем, мне хочется (и будут приложены все усилия!), чтобы книга была сверстана и издана достойно. Настолько, что даже по истечении предназначенного срока, когда все участники отправятся в другие миры, их наследники не будут торопиться расстаться с ней. Мы знаем — не всех возьмут в Историю. Но из этой книги — всех!

УДК 655.53

О. Г. Барашко [О. Г. Радкевич], доц., канд. техн. наук
Ю. Ф. Шпаковский, доц., канд. филол. наук
(БГТУ, г. Минск)

ПРЕДЕЛЫ СЖАТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ БУМАЖНОЙ КНИГИ

До каких пределов традиционные бумажные книги могут быть сжаты тотальной цифрой (точнее двумя цифрами — 0 и 1, генерирующих бесконечное множество вариантов)? С точки зрения библиофилов эти вопросы целесообразно перевести в плоскость чтения и обладания.

Кроме изначальной функции книг — быть читаемыми они могут оцениваться и в совершенно другом измерении — облада-

ния, т. е. абстрагировано от чтения. Чтение приближено к автору, обладание — только к владельцу, т. к. в определенный момент, книги, помимо своего прямого практического предназначения (чтения), становятся еще и чем-то иным, глубинно соотнесенным с ним и обладают исключительной привлекательностью: легко поддаются уникальной индивидуализации при бесконечном конструировании [1]. И если собрание обращено к людям, прежде всего оно обращено к самому владельцу. Для него поиск книги, отражает изначальное желание быть соединенным с ней (библиофил заранее «намечает» определенную книгу в собрание или она спонтанно возникает во всем своем великолепии). Как только соединение осуществилось (книга приобретена), она частично утрачивает свой прагматический вектор, например, как недостающее важное звено тематической цепочки в разделе собрания.

При этом в их взаимоотношениях что-то продолжает происходить... Ведь приобрести книгу — значит располагать ею, т. е. не только пользоваться, но и делать с ней все, что угодно (в частности, в области наслаждения обладанием).

Для библиофила обладаемый (и не всегда прочитанный) экземпляр становится объектом внутреннего переживания и часто наделяется индивидуальностью (неповторимостью, уникальностью), появляющейся в нем оттого, что он обладаем именно им. Собственно наслаждение возникает из баланса исходящего от владельца желания и исходящей от книги способности дать удовлетворение (обладающий наделен желанием, а обладаемая — могуществом). Наслаждение обладанием значительно усиливается, если библиофил стремится к эксклюзивному обладанию книгой. Но в итоге этих стремлений эксклюзивность приводит к отказу (или в более мягкой форме — сопротивлению) делиться книгами, а также ограничению допуска других к их распределению (циркуляции, обращению) в социуме. Достаточно владельцу отказаться делиться (изъять книгу) и тогда она рассматривается как не поддающаяся разделению, т. е. отделению от владельца (эксклюзивная). И вот книга, способная принадлежать любому, а теперь лишь одному, становится образом желания владельца, он может делать с ней все, что угодно — навязывать ей свою волю и иметь власть над ней целиком.

Таким образом обладать — это значит не только иметь, но и повелевать. Это позволяет и себя самого опознавать в эксклюзивной книге как уникальную и неповторимую сущность, ни на

кого не похожую и даже способную приручить само время. Это еще один из скрытых и всеобъемлющих аспектов мотива собирания, подпитывающего индивидуальность. Тут особую притягательность книгам придает их поразительная способность впитывать время. Книги, как мало какие объекты материального мира, несут и создают вокруг себя меморабилии — вещественные кусочки (отпечатки) памяти. Более того, со временем и сама книга пре-вращается в меморабилию...

Обозначая время (его культурные знаки и символы), меморабилии для владельца являются причастность ко времени, точнее — к конкретной эпохе, удостоверяя ее подлинность и значительность, как бы позволяя приоткрыть, впустить, удержать время, беседовать с ним. В рамках библиофильского подхода под ними понимаются специфические книги: особо оформленные (эффектные раритеты: подносные издания с раскрашенными или золотыми обрезами, в великолепных переплетах ручной работы; нумерованные экземпляры, отпечатанные на бумаге высших сортов; роскошные увражи с сюитами гравюр и т. д.) или не очень (но имеющие личностный фактор). Оформление иногда бывает явно форсированным — вплоть до кунсткамерности (*livre d'artiste* — книга художника). Форсированность заключается в преднамеренной убыстренности (ускоренности) доведения книги до статуса редкости самыми различными способами: преднамеренно мизерный тираж, уничтожение оригинальных досок с которых печатались иллюстрации и т. п.; особой судьбы создания и бытования: оказавшиеся в неординарных обстоятельствах: запрещенные, уничтоженные: природными стихиями, властями, цензурой, наконец, самим автором; ставшие свидетельствами необычных хронологических и личных связей; настоящие на времени (особо отмеченные временем) (инкунабулы, старопечатные книги, прижизненные издания классиков литературы и т. д.).

Кроме таких специфических книг сюда могут быть включены книги с привнесенными элементами: знаками обладания (экслибрисами, суперэкслибрисами, печатными штампами, владельцескими записями, автографами, маргиналиями) и дарения (дарственными надписями); элементами дополнения: вложениями — документами, фото, письмами, эфемерами (газетными и журнальными вырезками, билетами, календарями, картами, открытками, памятками, листовками, обложками, иллюстрациями, плакатами, афишами) и т. п.

Восприятие книги у библиофилов связано в первую очередь не столько с текстом, сколько с ее отличительными внешними признаками (эффектностью оформления, тиражом) и провенансом. Образуявшая внушительную последовательность-цепочку и имея по внешним признакам множество степеней свободы, книги с большой легкостью могут образовывать бесконечную игру упорядочиваний и комбинаций, конструируемых владельцем и угодных ему.

Этому не дают угаснуть «некнижные» дополнения-вкрапления, которыми всегда обрастают книжные собрания — экслибрисы, гравюры, документы (письма, дневники, рукописи и т. п.), эфемеры; антиквариат (монеты, фарфор, награды, иконы, оружие и т. д.). Тем самым при конструировании формируется визуальный мотив собирания книг — демонстрация внешнего социального статуса: значимости и влияния.

Параллельно упорядочению идет оценивание-взвешивание собранного: количественный пересчет, оценка редкости, подсчет стоимости. Однако чрезмерное увлечение экономической составляющей собирательства (часто тщательно маскируемое) приводит к тому, что конструирование своего мира (пусть важное только в масштабе одной единственной личности и вызывающее недоумение-улыбку со стороны) превращается в лихорадочно-холодную оценку инвестиционной привлекательности и рисков.

Итак, книжное собрание конструируется из последовательности-цепочки (длиною в жизнь) якобы «неживых» (мы то прекрасно знаем, что это вовсе не так!) элементов — книг, но их всегда возглавляет «живая» уникальная личность владельца. В свою очередь, эта личность формируется в процессе индивидуализации как самоподстановки в каждый из элементов собрания (не обязательно в момент приобретения, иногда достаточно лишь его ожидания).

Таким образом, пределы сжатия бумажной книги для библиофилов сужаются до границ территории обладания, которые цифровым изданиям не удастся преодолеть по определению [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Радкевич, О.Г. Фатальный путь. О неписанных законах библиофилов // Про Книги. — 2014. №1 (29). — С. 80-93.
2. Лурье, Ф.М., Шестаков, Ю.В. Обаяние «бумажной» книги. — СПб.: Альфарет, 2015. — 144 с.